

К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

ШКОЛА А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Евгений Анатольевич Ростовцев^а (e.rostovtsev@spbu.ru),
Ирина Павловна Потехина^б (anscelida@inbox.ru)

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^б Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

^в Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет), Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ростовцев Е.А., Потехина И.П. (2019) Школа А.С. Лаппо-Данилевского. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(5): 12–37.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.2>

Аннотация. Рассматривается феномен научной школы академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) в контексте истории петербургской исторической школы. Выдвигается гипотеза о существовании двух разных по характеру научных сообществ во главе с А.С. Лаппо-Данилевским. Первое — круг ученых, группировавшихся вокруг научного лидера и разделявших с ним общие методологические принципы научного исследования. Второе — коллектив работников, связанный со сравнительно узкой областью (дипломатикой русских частных актов) и последовательно решавший задачи в соответствии с научно-исследовательской программой, выработанной руководителем и учителем. Подчеркивается, что с изменением историографической ситуации и социального заказа к исторической науке в послереволюционный период и кончиной А.С. Лаппо-Данилевского его научно-исследовательская программа не могла быть реализована и школа как научное сообщество прекратила свое существование. Тем не менее научно-исследовательские установки А.С. Лаппо-Данилевского определяли как круг интересов, так и характер исследовательской деятельности его учеников на протяжении всего их жизненного пути. В фокусе исследования — наукометрический анализ творческого наследия как А.С. Лаппо-Данилевского, так и его учеников (А.И. Андреева, С.Н. Валка, В.И. Веретенникова и многих других). В частности, рассматривается востребованность текстов А.С. Лаппо-Данилевского и его школы в современной научной литературе. Приводимые данные наглядно показывают источниковедческий и историографический характер наиболее популярных в современной науке текстов учеников А.С. Лаппо-Данилевского, что позволяет выдвинуть гипотезу об особой роли его школы в поддержании профессиональных традиций национальной историографии.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, схоларные исследования, наукометрия, научные школы, петербургская историческая школа, российская историография, история науки.

Схолярная проблематика — исследовательское поле, которое традиционно обрабатывают философы, социологи, науковеды — словом, представители почти всех областей научного знания (Библиография по проблемам...). Дискуссии по проблеме понятия школы в исторической науке идут давно и показывают главным образом потенциальную многовариантность его определения. Школы связываются с областью знания, политической ориентацией, фигурой лидера/учителя, историографической концепцией, принадлежностью к университетской корпорации, спецификой метода исследования и другими факторами (Беленький 1978: 64–65; Грезнева 2004; Гузевич 2003; Устюжанина, Евсюков, Петров и др. 2011; Дежина, Киселева 2008). Обзоры этих дискуссий приводятся в работах С.Н. Погодина (Погодин 1998), А.Н. Шаханова (Шаханов 2003), С.И. Михальченко (Михальченко 2004), М.П. Мохначевой (Мохначева 2005), Д.А. Цыганкова (Цыганков 2005), А.И. Алексеева (Алексеев 2007), И.Л. Беленького (Беленький 2011), Г.П. Мягкова и В.П. Корзун (Корзун, Мягков 2013), А.В. Свешникова (Свешников 2012) и многих других авторов (Дворниченко, Ростовцев Баринов 2018). О школе Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) в литературе упоминается часто (Малинов, Погодин 2001: 28–32; Алеврас, Гришина 2013; Сидненко 2019), однако попыток системного осмысления этого феномена в историографии пока не предпринималось. Причиной такого положения является как расплывчатость самого понятия «научная школа», так и генезис историографических представлений о школе А.С. Лаппо-Данилевского. В задачи настоящей статьи входит рассмотрение механизма формирования историографического дискурса «школы А.С. Лаппо-Данилевского», попытка наметить ее состав и показать востребованность штудий ее представителей в современной историографии.

Школа А.С. Лаппо-Данилевского в историографическом дискурсе и исследовательские вопросы

Формирование школы Лаппо-Данилевского связано, как известно, с его педагогической деятельностью в университете и историко-филологическом институте, а также с работой его учеников по его проектам в Академии наук (Малинов, Погодин 2001: 28–32; Ростовцев 2004: 161–163). Первая публичная репрезентация школы Лаппо-Данилевского носит коммеморативный характер, связанный с изданием сборника, посвященного 30-летию научно-педагогической деятельности ученого в 1915 г. (Сборник статей 1916). На начальном этапе ключевую роль в формировании научных представлений о школе Лаппо-Данилевского сыграл его знаменитый ученик Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975), преданно

относившийся к памяти учителя (Приймак 1996; 1998; 2013). Другое дело, что в текстах С.Н. Валка, затрагивающих эту тему, образ школы предстает неоднозначным. Если первые его работы рисуют школу Лаппо-Данилевского как творческий коллектив, в котором кипели методологические и теоретические споры (Валк 1920), то в более поздних текстах это прежде всего школа исторической техники, источниковедческого мастерства (см., например: Валк 1948b), характерного для петербургской исторической школы в целом (к которой Валк, разумеется, причислял и учителя) (Валк 1922; 1948a).

Эта эволюция связана с изменением историографической ситуации под воздействием политических факторов. На рубеже 1920–1930-х годов советский режим развернул настоящую травлю историков «старой школы», ОГПУ фабрикует «Академическое дело», по которому была репрессирована большая группа историков во главе с С.Ф. Платоновым (см., например: Ананьич, Панеях 1999). В этих условиях Валк пытается, во-первых, отделить школу Лаппо-Данилевского как школу «профессионального мастерства» от политической (концептуальной) школы С.Ф. Платонова, а во-вторых, утвердить историографическое представление о раздельности теоретического и источниковедческого наследия Лаппо-Данилевского. По понятным причинам Валк настаивает, что историки (последователи Лаппо-Данилевского) никакого отношения к неокантианским философским штудиям учителя не имели и могут, вооруженные профессиональными историческими навыками, полноценно войти в советскую историографию (Валк 1931).

Разумеется, эти построения Валка не спасли ни Лаппо-Данилевского, ни его учеников от идеологической критики в советской литературе (Томсинский 1931; Цвибак 1931; Черепнин 1949), но способствовали тому, что наследие академика (в области философии и теории истории, источниковедения, дипломатики, археографии, истории России) воспринималось в советской историографической традиции как набор различных элементов вне органической связи между ними (см. подробнее: Ростовцев 2004: 241–271). Школа Лаппо-Данилевского рассматривалась в этом контексте прежде всего как школа изучения древнерусских актов. Преодоление этого концепта шло в историографии второй половины XX — начала XXI в. непросто. Благодаря работам О.М. Медушевской, С.О. Шмидта, А.Н. Нечухрина, С.П. Рамазанова, В.П. Корзун, Н.Н. Алеврас, М.Ф. Румянцевой, А.В. Малинова, Н.А. Трапша, Ф.В. Николаи и многих других исследователей в историографии было восстановлен целостный взгляд на творчество ученого (Ростовцев 2004: 271–278; Чернобаев 2013; Погодин 2017). Что же касается *школы* Лаппо-Данилевского, то здесь ситуация

противоречива. С одной стороны, в современной литературе, связанной с осмыслением феномена научных школ в историографии, обычно подчеркивается, что эта школа отличалась следованием научно-исследовательской программе и методологии учителя и являлась «локальным местом производства знаний» (Алеврас, Гришина 2013). С другой стороны, ее значение и роль в историографии остаются недостаточно изученными. В частности, требует уточнения ее место в рамках целостной петербургской исторической школы.

Напомним, что конструкт «петербургской исторической школы» был сформулирован в нарративах рубежа XIX–XX вв. и закреплен в последующей историографии (см., например: Ростовцев 2005; Свешников 2016: 13–42; Дворниченко, Ростовцев, Баринов 2018). Суть концепта школы, описанного А.Е. Пресняковым, заключалась в том, что это школа «восстановления прав источника и факта» «вне зависимости от историографической традиции» (Пресняков 1920). Однако тот же А.Е. Пресняков подчеркивал независимость Лаппо-Данилевского от петербургской исторической школы (Пресняков 1922: 16–17, 25). «Теоретическое» направление Лаппо-Данилевского шло как бы вразрез с основной линией и традициями кафедры русской истории начала XX в., несомненным лидером которой был Платонов (чьим учеником, кстати, и являлся Пресняков) (Брачев 1997; 2001; Цамутали 1996). В то же время для того же Валка, развивавшего построения Преснякова, и для его последователей рубежа XIX–XX вв. Лаппо-Данилевский — несомненный представитель петербургской школы (Валк 1948а; Ананьич, Панях 2000).

Таким образом, актуальными остаются следующие вопросы. Какое место школа Лаппо-Данилевского занимала в петербургской исторической школе? Можем ли мы говорить о единстве школы до и после смерти ее основателя? Что означала школа для учителя? Было ли продолжение (третье поколение) школы? Какое влияние школа Лаппо-Данилевского оказывала и оказывает на современную историографию?

Две школы А.С. Лаппо-Данилевского

С нашей точки зрения, для понимания существа школы Лаппо-Данилевского целесообразно в первую очередь обратиться к воспоминаниям его учеников. На наш взгляд, в этом контексте удачно дополняют друг друга тексты учеников двух разных поколений — В.И. Веретенникова и С.Н. Валка, опубликованные в сборнике Русского исторического журнала, посвященном памяти ученого (1920). Обе статьи связаны с воспоминаниями об учителе, и обе рисуют образ школы Лаппо-Данилевского «изнутри».

Примечательно, что В.И. Веретенников рассматривал школу Лаппо-Данилевского не как направление в историографии или даже в исторической методологии, а в чисто педагогическом смысле: «Эта школа состояла не в том, что ученики усваивали себе более или менее догматически основные идеи своего учителя и затем, усвоив их, продолжали их дальнейшее развитие в том или ином направлении, с той или иной точки зрения. Александр Сергеевич не давал никакой догматики своим ученикам... он выковывал у... ученика настоящее понимание методов познания как той или иной специальности, так, может быть, и в более широком масштабе» (Веретенников 1920: 202). По словам Веретенникова, эта педагогическая работа основывалась на огромной эрудиции, которая была «собственным знанием» ученого, прошедшим «через горнило его аналитического ума» (Веретенников 1920: 203), и соответствовала «исключительной широте ученого горизонта» (Веретенников 1920: 204), а также открытости для аудитории лаборатории его научных построений (Веретенников 1920: 205). Веретенников — старший ученик Лаппо-Данилевского. Его основной сферой исследований являлся, как и у учителя, XVIII в. (Алеврас 2016). Однако с оценками Веретенникова вполне переключаются и суждения Валка этого времени.

В очерке «Воспоминание ученика» Валк рассмотрел историю дипломатического семинария Лаппо-Данилевского. По его словам, в нем существовало две группы («правая» и «левая») (ср.: Каштанов 1988: 94–98). Из изложения Валка следует, что в ходе эволюции семинара изменялся характер «оппозиционности» двух групп по отношению друг к другу. Вначале «библиографы» («правая»), связывающие свои задачи с исторической практикой, противостояли теоретикам акта («левая»). Затем, по мере работы над актами и развития теории, положение менялось: «Путь пройден был не малый, от наивного библиографического сознания к принципиально-обоснованному. На место случайного состава записи становился другой — целеобусловленный» (Валк 1920: 191). Автор давал понять, что вместе с Лаппо-Данилевским принадлежит к лагерю «теоретиков». Благодаря мысли «теоретиков», согласно Валку, лучше почувствовали себя именно «практики», т.е. работники «того психологического склада, что более склонен к библиографическому типу работы... Вот научно-психологический момент, создавший в процессе непрерывного и систематического труда нашу правую и питавший ее» (Валк 1920: 191). Но движение вперед «левой», вдохновляемое Лаппо-Данилевским, продолжалось. Валк так оценивал научные позиции членов кружка Лаппо-Данилевского на момент смерти учителя: «Если для части из нас дипломатика приобрела такое независимое значение области самостоятельных проблем,

то из остальных одни продолжали тяготеть к исходным точкам — к собственно историческому исследованию со стремлением лишь служебно понять роль акта (они то и стали нашим центром), другие же поняли дипломатику своеобразно, независимо от истории собственно, желая прежде всего и едва ли не только всего клазуального анализа акта (наша же правая)» (Валк 1920: 192).

Иначе говоря, оба упомянутых ученика Лаппо-Данилевского рассматривали школу А.С. как школу профессионального ремесла, получив навыки которого каждый мог свободно выбирать свой путь. Эти представления в определенной мере противоречат высказанному в литературе мнению о том, что Лаппо-Данилевский с известной долей ревности относился к своим ученикам, в частности, рассчитывая на их помощь в своих академических предприятиях, пытался ограничивать их участие в посторонних для него проектах (Ростовцев 2004: 89). Однако, думается, принципиального противоречия в этих тезисах нет. Дело в том, что, на наш взгляд, школа Лаппо-Данилевского существовала в двух ипостасях — как интеллектуальное сообщество и как исследовательский коллектив.

Как интеллектуальное сообщество школа не имела формально очерченных границ и «строгого членства». Помимо участников дипломатического семинария, учениками Лаппо-Данилевского называли себя все «оставленные им при университете», а также другие входящие в профессию историки, экономисты, социологи и философы, посещавшие руководимые им «Беседы по проблемам факультетского преподавания», исторический семинарий, секцию русской истории Исторического общества при университете, «семинар» Лаппо-Данилевского по методологии социальных наук. Среди них В.И. Веретенников, Т.И. Райнов, Н.В. Болдырев, М.Д. Приселков, Б.Д. Греков, Н.Д. Кондратьев и многие другие (Ростовцев 2004: 74–77, 86). Для этой группы Лаппо-Данилевский выступал как интеллектуальный лидер, педагог, открывавший горизонты познания. К ней объективно примыкали даже те, кто, не причисляя себя к ученикам Лаппо-Данилевского напрямую, подчеркивал его влияние на собственное профессиональное становление (например, упомянутый А.Е. Пресняков и его ученик Б.А. Романов) (Романов 1920).

Основной объединяющей идеей школы Лаппо-Данилевского как интеллектуального сообщества была разработка строгого метода научного познания в социогуманитарной области. В этом смысле школа была одним из центров проектирования единой и новой науки о человеке начала XX в. Для Лаппо-Данилевского теоретическими основаниями этой науки в конечном итоге была неокантианская философия истории, идеи которой были им творчески развиты в известных текстах «Основные принципы

социологической доктрины Конта» (Лаппо-Данилевский 1902) и «Методология истории» (Лаппо-Данилевский 1910; 1913; 1923; 1909). Как архитектор нового здания науки Лаппо-Данилевский отличался не только энциклопедическими знаниями, но и стремлением интегрировать в создаваемый им ансамбль самые разные «номотетические» и «идиографические» конструкты и был доброжелательно настроен к любым интеллектуальным построениям (в том числе учеников), если они вписывались в рамки «строгой науки о человеке». Иначе говоря, опираясь на терминологию, принятую в некоторых науковедческих исследованиях (см., например: Грезнева 2004: 43), первый тип школы Лаппо-Данилевского можно охарактеризовать как *невидимый колледж* (по типу связей между членами научной школы), *теоретическую* (по статусу научной идеи), *фундаментальную* (по функциональному значению проектируемых знаний) и *неформальную* (по степени институциализации).

Совсем другой контекст имела дипломатическая школа Лаппо-Данилевского. Она была связана с задуманной в 1900 г. и начатой в 1902 г. работой по подготовке издания коллекции грамот Коллегии экономики в рамках плана работ по изданию архивных документов, одобренного Историко-филологическим отделением Академии наук. Подчеркнем, что система дипломатики Лаппо-Данилевского не была оторвана от принципов методологии истории, а, напротив, являлась практическим опытом (апробацией) их на конкретном материале. В соответствии с принципами методологии источниковедения акты в дипломатике Лаппо-Данилевского анализируются не просто как одна из разновидностей документов, но как исторические факты. Поскольку понятие факта трактовалось Лаппо-Данилевским в психологическом плане, и акты он был склонен рассматривать как памятники правосознания данной эпохи (Лаппо-Данилевский 1920: 49). С этой точки зрения к анализу актов последовательно применяется инструментарий «методологии истории» (см. подробнее: Ростовцев 2004: 132–135). Такие установки предопределяли и археографические принципы работы школы Лаппо-Данилевского. Согласно им, исторический источник должен быть подготовлен издателем для последующей работы с ним в соответствии с принципами его методологии. Соблюдение издателем требований, предусмотренных в «Правилах издания грамот Коллегии экономики», по существу, само по себе уже решало ряд задач интерпретации и критики источников (Правила издания 1922). В этом заключалось принципиальное отличие системы дипломатики Лаппо-Данилевского от работ по дипломатике представителей эмпирического направления петербургской исторической школы — С.Ф. Платонова, Н.П. Лихачева и др. Различие археографических подходов Лаппо-Данилевского и этих

последних проявилось прежде всего в работе Археографической комиссии. В.Г. Дружинин, С.Ф. Платонов и другие ее члены рассматривали формулирование археографических правил как чисто техническую задачу. В число требований к изданию актов, выдвигаемых этими учеными, не входило определение вида акта, субъекта и объекта права, членение акта на клаузулы и т.п. Они не включали в круг обязанностей издателя предварительное изучение источников как исторических фактов и, следовательно, не находили нужным указывать при издании те данные об акте, которые являлись результатом специального исследования. Эта ситуация нашла отражение в своеобразном противостоянии в начале XX в. Археографической комиссии (где при формальном председательстве С.Д. Шереметева лидировал С.Ф. Платонов) и Постоянной исторической комиссии (своеобразного издательского центра Академии наук, которым сначала неформально, а затем и формально руководил Лаппо-Данилевский) (см. подробнее: Ростовцев 1999).

Издание «Грамот Коллегии экономии» было крупнейшим археографическим предприятием Академии наук и самого Лаппо-Данилевского, которое длилось до конца жизни ученого, продолжилось после его смерти, но так и осталось незавершенным (Сборник грамот 1922; 1929). Основная причина заключалась в том, что археографическая деятельность при «индивидуализирующем» подходе по отношению к источнику фактически перерастала в исследовательскую. Однако сама организация подобных изысканий способствовала становлению русской дипломатики частных актов во главе с Лаппо-Данилевским. В 1904/1905 г. под его руководством в университете начал работать семинар по дипломатике частного акта, который впоследствии перерос в кружок уже вне университетских стен. Работы ряда членов этого кружка, связанные с созданием каталога и терминологического словаря русских частных актов, подготовкой будущего издания грамот, с 1911 г. оплачивалась из академических кредитов. Таким образом, был создан коллектив, действовавший планомерно, по намеченному А.С. Лаппо-Данилевским плану, каждым подготовленным сотрудником которого его руководитель дорожил, ревниво относясь к попыткам коллег «переманить» его учеников (и исполнителей масштабного проекта) в другие научные предприятия. После смерти Лаппо-Данилевского проект продолжил реализовываться под руководством одного из его учеников, А.И. Андреева, и был оборван в 1929 г. вместе с «Академическим делом». Применяя те же науковедческие критерии, можно предположить, что вторую школу следует охарактеризовать как *научную группировку* (по типу связей между членами научной школы), *теоретическую* (по статусу научной идеи), *прикладную* (по функциональ-

ному значению проецируемых знаний) и *кружковую* (по степени институционализации).

Таким образом, с нашей точки зрения, правомерно говорить о двух школах Лаппо-Данилевского. Первая — сообщество ученых, группировавшихся вокруг научного лидера и разделявших с ним общие методологические принципы научного исследования. Вторая — коллектив работников, связанный со сравнительно узкой научной областью (дипломатикой) и последовательно решавший задачи в соответствии с научно-исследовательской программой, выработанной руководителем и учителем.

Судьба школы и ее наукометрия

Судьба учеников Лаппо-Данилевского в послереволюционное время оказалась различной. По некоторым (А.И. Андреев, А.А. Введенский, Г.М. Котляров) прошелся каток репрессий. Другим повезло больше — Т.И. Райнов, И.Л. Маяковский, С.Н. Валк получили при жизни признание и высокий академический статус. Как единый научный коллектив кружок Лаппо-Данилевского, вероятно, быстро прекратил существование после смерти учителя. Вместе с тем интенсивное научное общение между его учениками и последователями в 1920-е годы, без сомнения, продолжалось. Многие из них, в частности, вошли в существовавший в начале 1920-х годов «Кружок архивных работников им А.С. Лаппо-Данилевского», возглавляемый А.И. Андреевым (Хорхордина 2003: 453–478). Однако в условиях новой реальности советского времени какой-либо единой стратегии поведения у членов школы Лаппо-Данилевского не было и быть не могло. Разгром «старой исторической науки» на рубеже 1920–1930-х годов, «Академическое дело» усилили процесс «рассеивания» его учеников, продолжавших свою научную деятельность в разных научных центрах страны. У некоторых из них были собственные ученики и школы, но методологические и организационные условия их существования были различными, и вряд ли мы можем говорить о продолжении школы Лаппо-Данилевского в третьем и последующем поколениях.

Не ставя цель проанализировать востребованность всех учеников А.С. (такая задача вряд ли реализуема ввиду неопределенности членства в «школе»), мы выбрали десять из них, представлявших разные поколения и направления науки, относящиеся к школе Лаппо-Данилевского (А.И. Андреев, С.Н. Валк, А.А. Введенский, В.И. Веретенников, М.Ф. Злотников, Г.М. Котляров, В.Н. Кун, И.Л. Маяковский, А.А. Шилов). Хотя мы включили в эту группу некоторых несомненных учеников Лаппо-Данилевского, которые не принимали участие в дипломатическом семинарии, в большинстве своем это именно его члены. Такой подход позволил избе-

жать включения в число учеников ученых с «двойной» или «тройной» ученической идентичностью, таких как, например, Б.Д. Греков. Интересно, что двое учеников Лаппо-Данилевского из нашего списка (А.И. Андреев и С.Н. Валк) вошли в десятку наиболее цитируемых (по количеству цитирующих их тексты работ) из поколения историков 1876–1891 гг. рождения, занимая соответственно в этом рейтинге 7 и 8 позицию. Разумеется, если причислять к ним и Б.Д. Грекова (который, кстати, первый написал о «школе» Лаппо-Данилевского /Греков 1919/), занявшего в этом рейтинге вторую позицию, то их было бы трое (Ростовцев, Шишов 2013: 140). Характерно, что все заведомые «чистые» ученики Лаппо-Данилевского оказались историками, несмотря на все влияние фигуры их учителя на русскую и философскую и социологическую традицию.

Ранее в одной из статей мы рассматривали востребованность текстов самого Лаппо-Данилевского в информационном пространстве современной науки (по данным РИНЦ). Влияние его текстов на историографию (в сравнении с лидерами его поколения — П.Н. Милюковым, А.А. Шахматовым, С.Ф. Платоновым) сравнительно невелико, так что он занимает только 8 позицию по количеству цитирующих его труды работ. При этом с большим отрывом (около 33 % цитирующих работ) лидировала «Методология истории», за ней — магистерская диссертация Лаппо-Данилевского, рассматривающая социально-экономическую структуру России XVII в. («Организация прямого обложения в Московском государстве», 9 %), на третьем месте оказались «История политических идей в России (История русской общественной мысли XVII–XVIII вв.)» (первая изданная часть докторской диссертации А.С., которая главным образом ограничивается XVII столетием) и «Очерк русской дипломатики частных актов» (по 5 %). Работы Лаппо-Данилевского по основной сфере его конкретно-исторических штудий (истории XVIII столетия), разумеется, цитируются, но в сравнении с названными выше весьма ограничено. Интересно, впрочем, что среди историков своего поколения (родившихся в 1856–1870 гг.) он по количеству цитируемых трудов уступает только П.Н. Милюкову. Это обстоятельство прежде всего свидетельствует о высокой степени внимания к изучению его творчества в историографии (Ростовцев, Потехина 2013; Скворцов 2013; Чернобаев 2013; Погодин 2017). В этом отношении с позиций формальной наукометрии Лаппо-Данилевский как объект изучения более востребован, чем его научное наследие. Отчасти эта ситуация обусловлена системой регулярных научных коммемораций, связанных с личностью ученого, начало которым было положено его учениками еще в 1910–1920-е годы (Ростовцев, Потехина 2013: 23).

Обратимся к обзору наукометрии учеников А.С. Лаппо-Данилевского. Данные таблицы 1 показывают цитируемость их трудов в рейтинговом (по количеству цитирующих работ) порядке. Очевидно, что заметное влияние на современную историографию оказывают только первые восемь персонажей списка. Несомненным лидером с точки зрения наукометрии является А.И. Андреев, вторую позицию занимает С.Н. Валк, третью — В.И. Веретенников.

Таблица 1

Рейтинг цитирования учеников А.С. Лаппо-Данилевского¹

Рейтинг	ФИО ученика	Основная сфера интересов	Количество цитируемых работ	Наиболее цитируемые тексты
1	2	3	4	5
1	<i>Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959)</i>	Источниковедение. История Сибири и сибирских народов XVIII–XIX вв.	641	1. Очерки по источниковедению Сибири [разл. изд.] 206 2. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири [// Миллер Г.Ф. История Сибири...] 67 3. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» [// Советская этнография. 1947. №1] 35
2	<i>Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975)</i>	Археография. Источниковедение. Историография. Вспомогательные исторические дисциплины. История исторической науки XVIII–XX вв.	394	1. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет [разл. изд.] 55 2. Советская археография [М.; Л., 1948] 43 3. [Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000] 33

¹ Подсчитано на основе данных портала «Научная электронная библиотека eLIBRARY.ru»: https://elibrary.ru/project_risc.asp (дата обращения: 31.08.2019).

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
3	Веретенников Василий Иванович (1880–1942)	История государственных учреждений в России XVIII в. Источниковедение.	232	1. История Тайной канцелярии петровского времени. [Харьков, 1910] 110 2. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до-екатерининского времени. [Харьков, 1915] 78 3. Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762. [Харьков, 1911] 36
4	Введенский Андрей Александрович (1891–1965)	Источниковедение. История Урала и Сибири. История торгово-промышленных отношений в России XVI–XVII вв.	217	1. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. [М., 1962] 128 2. Торговый дом XVI–XVII вв. [Л., 1924] 22 3. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. [Киев, 1963] 17
5	Райнов Тимофей Иванович (1890–1958)	История науки и техники. Методология истории. История экономики. Социология.	108	1. Наука в России XI–XVIII веков. [М.; Л., 1940] 31 2. Великие ученые Узбекистана (IX–XI вв.). [Ташкент, 1943] 9 3. О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского [// ЖМНП. 1915] 6 4. Волнообразные флуктуации /колебания/ творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX вв. [разл.изд.] 6
6	Злотников Михаил Федорович (1890–1942)	Дипломатика. Источниковедение. История нотариата в России. Экономическая история России в начале XIX в.	105	1. Континентальная блокада в России. [М.; Л., 1966] 35 2. Подъятие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси [разл.изд.] 31 3. Первое описание Уральских и Сибирских заводов. [разл.изд.] 22

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
7	Маяковский Илья Лукич (1878–1954)	Архивоведение. История архивов и архивного дела в России.	94	1. Очерки по истории архивного дела в СССР [разл.изд.] 63 2. Архив, библиотека, музей [// Архивное дело. 1926] 13 3. Исторический очерк архивного дела в России [разл. изд.] 13
8	Шилов Алексей Алексеевич (1881–1942)	Археография. Библиография. История тайных обществ и революционного движения в России.	74	1. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. [разл.изд.] 19 2. Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в. [разл.изд.] 9 3. Описание рукописей, содержащих летописные тексты [разл.изд.] 8 4. (в соавт.) Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. [М., 1927–1934] 8
9	Кун Владимир Николаевич (1886–1955)	Источниковедение. Дипломатика. История военного дела у народов Центральной и Средней Азии.	16	1. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии [// Уч. зап. Ташкент. ун-та. 1947. Вып. 1] 13 2. 25-летие учено-педагогической деятельности А.С. Лаппо-Данилевского [// Речь. №126] 2
10	Котляров Григорий Михайлович (1883–1938)	Источниковедение. Библиотечное дело в России. История декабристского движения. История тайных обществ в России.	9	1. [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 [// РИЖ. 1922. Кн. 8] 4 2. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность [// Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925–1927 гг. Вологда, 1929] 2 3. Г.С. Батеньков в Сибири в 1817–1819 гг. [// Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2] 2

Приведенные данные показывают, что основной и объединяющей сферой научных штудий школы Лаппо-Данилевского было источниковедение русской истории. Кроме того, на современную историографию оказывают влияние тексты, связанные с конкретно-историческими сюжетами истории России нового времени (XVI–XVIII вв.). Таким образом, тематически питомцы школы Лаппо-Данилевского были наиболее успешны именно в тех областях, где преуспел сам их учитель (с той оговоркой, что «Методология истории» включала в себя методологию источниковедения лишь как один из разделов). Учитывая, что работы в области источниковедения традиционно менее востребованы в историографии, нежели историко-теоретические, конкретно-исторические сочинения и тексты в области специальных исторических дисциплин, эти показатели можно считать ярким наукометрическим доказательством того, что источниковедческая школа Лаппо-Данилевского состоялась в первую очередь на уровне обобщающих нарративов проблемного и обзорного характера.

Парадоксально, но наследие ученых — последователей Лаппо-Данилевского в области дипломатики (основная сфера коллективных штудий школы) востребовано мало. В этом смысле приведенные данные опровергают представления о школе Лаппо-Данилевского прежде всего как о школе русской дипломатики частных актов. Можно констатировать, что в этой области по востребованности своих штудий ученики заметно отстают от учителя, хотя, разумеется, труды многих из них связаны с историей и источниковедением русских актов и широко известны, а издание «Грамот Великого Новгорода и Пскова» и вовсе вывело С.Н. Валка на четвертое место по цитированию среди историков его поколения в наукометрической системе WoS (после Б.Д. Грекова, Н.М. Дружинина и С.Б. Веселовского) (Ростовцев, Шишов 2013: 141), в которой учитываются цитирования научных изданий источников. Противоположная ситуация сложилась с трудами Лаппо-Данилевского и его школы по историографии и истории науки. Несмотря на признанное в современной литературе значение подобных работ А.С. (Киреева 2013), ни один из его историографических текстов не входит в десятку наиболее цитируемых в современной науке трудов ученого (Ростовцев, Потехина 2013: 26), в то время как тексты его учеников (С.Н. Валка, А.И. Андреева, И.Л. Маяковского, Т.И. Райнова) по историографии и истории науки являются одними из самых востребованных в их творчестве.

С нашей точки зрения, многие из этих обстоятельств объясняются как тем социальным контекстом, в котором довелось существовать школе

Лаппо-Данилевского, так и спецификой академического заказа в современной историографии. Социальный и идеологический климат, в котором пришлось работать ученикам Лаппо-Данилевского, задавал весьма ограниченные рамки для построений в области теории исторического знания. В то же время источниковедческие установки советской историографии вполне отвечали тем представлениям об истории как строгой науке, которые культивировались в школе Лаппо-Данилевского. Его проект в области русской дипломатики частных актов оказал фундаментальное влияние на эту область исследований, однако собственно с точки зрения формальных итогов фактически был неудачным — планируемое многотомное издание грамот Коллегии экономии оказалось сорванным, а его ведущие участники во главе с А.И. Андреевым переключились на иную исследовательскую проблематику. Популярность же историографических текстов учеников Лаппо-Данилевского объясняется, с нашей точки зрения, с одной стороны, тем, что они выполняли важную роль реабилитации старой исторической науки после «разгрома» рубежа 1920–1930-х годов или популяризации ее источниковедческих принципов. С другой стороны, можно предположить, что историографические работы в этом контексте служили своеобразным замещением теоретических штудий, которые в условиях советской науки не могли состояться.

* * *

Подводя итог нашим рассуждениям о школе Лаппо-Данилевского, нельзя не отметить противоречивость этой историографической конструкции. Причины этого заключаются как в политическом контексте формирования самого конструкта (желание «уберечь» школу от гонений советского режима), так и в общей неопределенности категории научной школы и различных интерпретациях этого понятия по отношению именно к школе Лаппо-Данилевского. Наш обзор показывает существование двух разных по базовым характеристикам, хотя и пересекающихся по составу, научных сообществ — «школ» Лаппо-Данилевского: интеллектуального сообщества единомышленников и учеников в широком смысле слова и научно-исследовательской группы, реализующей научно-исследовательскую программу в узкой области дипломатики русских частных актов. Для самого Лаппо-Данилевского школа была ключевым инструментом утверждения своей научной концепции.

При этом необходимо подчеркнуть, что после кончины учителя и распада исследовательской группы специфические черты научного метода школы нашли развитие в других (помимо дипломатики) областях. В частности, это выразилось в том, что для большинства учеников Лаппо-

Данилевского на протяжении всей их научной деятельности было характерно увлечение различными источниковедческими и историографическими изысканиями. Востребованность именно этой части наследия учеников Лаппо-Данилевского в современной литературе наглядно показывает значение его школы в российской исторической науке. В связи с этим обстоятельством можно предположить, что именно школа Лаппо-Данилевского, занимавшая в дореволюционное время обособленное положение по отношению к петербургской исторической школе в целом, объективно продолжала ее традиции в советской историографии (и, кстати, способствовала популяризации самого концепта «петербургской исторической школы»). Однако в данном случае речь идет именно о поддержании свойственных петербургской школе традиций ремесла (ценностных ориентирах научного творчества, научно-техническом инструментарии, профессиональных исследовательских навыках, приемах и т.п.). В этом контексте проблематично говорить о дальнейшем продолжении научной школы Лаппо-Данилевского в советское время — в условиях новой идеологической и политической ситуации ее научно-исследовательская программа просто не могла получить развития.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00782/19.

Литература

Алеврас Н.Н. (2016) Василий Иванович Веретенников: историк петербургской школы как актер науки и диссертационной культуры. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, 2: 144–157.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. (2013) Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников. *Клио*, 12(84): 46–49.

Алексеев А.И. (2007) Санкт-Петербургская и московская школы в исторической науке о русском средневековье. Свак Д. (ред.) *Региональные школы русской историографии [сборник докладов международной конференции, организованной Центром русистики Будапештского государственного университета им. Лоранда Этвеша, 29–30 мая 2006 г.]*. Budapest: Russica Pannonicana: 3–44.

Ананьич Б.В., Панеях В.М. (1999) «Академическое дело» как исторический источник. *Исторические записки*, 2(120): 338–350.

Ананьич Б.В., Панеях В.М. (2000) О петербургской исторической школе и ее судьбе. *Отечественная история*, 5: 105–114.

Беленький И.Л. (1978) К проблеме наименований школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. *XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки*. Калинин: КГУ: Ч. II: 64–65.

Беленький И.Л. (2011) Российское научно-историческое сообщество в конце XIX — начале XXI вв.: публикации и исследования 1940-х — 2010-х гг. Бордогов Г. (ред.) *Научное сообщество историков России: 20 лет перемен*. М.: АИРО-XXI: 344–478.

Библиография по проблемам научных школ в России. *Научные школы Новосибирского научного центра* [<http://www.prometeus.nsc.ru/science/schools/biblio/general.ssi>] (дата обращения: 12.09.2019).

Брачев В.С. (2001) *«Наша университетская школа русских историков» и ее судьба*. СПб.: Стomma.

Брачев В.С. (1997) *Русский историк С.Ф. Платонов: Ученый. Педагог. Человек*. СПб.: Нестор.

Валк С.Н. (1920) Воспоминание ученика. *Русский исторический журнал*, 6: 189–199

Валк С.Н. (1931) Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.]. *Проблемы марксизма*, 3: 114–115.

Валк С.Н. (1948а) Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. Молок А.И. (ред.) *Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук*. Л.: тип. им. Володарского: 3–79

Валк С.Н. (1922) [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. *Русский исторический журнал*, 8: 244–258.

Валк С.Н. (1948б) *Советская археология*. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР в Ленинграде.

Веретенников В.И. (1920) Памяти дорогого учителя. *Русский исторический журнал*, 6: 200–206.

Грезнева О.Ю. (2004) Научные школы: принципы классификации. *Высшее образование в России*, 5: 42–48.

Греков Б.Д. (1919) Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского. *Известия Таврической ученой архивной комиссии*, 56: 148–156.

Гузевич Д.Ю. (2003) Научная школа как форма деятельности. *Вопросы истории естествознания и техники*, 1: 64–93.

Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. (2018) «Петербургская историческая школа» XVIII — начала XX вв.: историографический контекст и методы исследования. *Былые годы*, 49(3): 1046–1060.

Дежина И.Г., Киселева В.В. (2008) *Тенденции развития научных школ в современной России*. М.: Институт экономики переходного периода [<http://komarov.viperson.ru/data/200902/Scienceschools.pdf>] (дата обращения: 12.09.2019)

Каштанов С.М. (1988) *Русская дипломатика*. М.: Высшая школа.

Киреева Р.А. (2013) А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии. *Клио*, 12(84): 73–76.

Корзун В.П., Мягков Г.П. (2013) Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий). *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 6: 158–201.

Лаппо-Данилевский А.С. (1902) Основные принципы социологической доктрины Конта. *Проблемы идеализма*. М.: Изд-во Моск. психологического общества: 394–490.

Лаппо-Данилевский А.С. (1920) *Очерк русской дипломатики частных актов*. Пг.: 2-я Гос. тип.

Лаппо-Данилевский А.С. (1910) *Методология истории*. Ч.1. СПб.: Студенч. изд. ком. при Историко-филологич. ф-те.

Лаппо-Данилевский А.С. (1913) *Методология истории*. Вып. 2. СПб.: Студенч. изд. ком. при Историко-филологич. ф-те.

Лаппо-Данилевский А.С. (1923) *Методология истории*. Вып. 1. Пг.: Российская государственная академическая типография.

Лаппо-Данилевский А.С. (1909) *Методология истории*. Часть вторая. *Методы исторического изучения*. Отдел II. *Методология исторического построения*. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 акад. году. [СПб.]: литография Богданова.

Малинов А.В., Погодин С.Н. (2001) *Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ*. СПб.: Искусство-СПб.

Михальченко С.И. (2004) Школы в исторической науке. Дубровский А.М. (ред.) *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков*. Брянск: Издательство Брянского государственного университета: 3: 195–211.

Мохначева М.П. (2005) Межвузовские научные связи российских историков во второй половине XIX века в контексте истории научно-педагогической школы В.О. Ключевского. Шмидт С.О. (ред.) *В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии*. *Материалы научной конференции*. Пенза, 25–26 июня 2001 г. Кн. 1. М.: Наука: 282–297.

Погодин С.Н. (2017) А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей отечественной историографии. *Россия в глобальном мире*, 11(34): 245–257.

Погодин С.Н. (1998) Научные школы в исторических науках. *Клио*, 2(5): 14–26.

Правила издания грамот Коллегии экономии. (1922) Пг.: Российская государственная академическая типография.

Пресняков А.Е. (1922) *Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский*. Пг.: Колос.

Пресняков А.Е. (1920) *Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства»*. Пг.: Девятая гос. тип.

Приймак Н.И. (1996) А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников. *Петербургские чтения — 96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003»*. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ: 452–455.

Приймак Н.И. (1998) А.С. Лаппо-Данилевский и С.Н. Валк (учитель и ученик). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2: *История, языкознание, литературоведение*, 1: 8–16.

Приймак Н.И. (2013) О письме С.Н. Валка А.С. Лаппо-Данилевскому [1915 г.]. *Клио*, 10(82): 130–133.

Романов Б.А. (1920) А.С. Лаппо-Данилевский в университете (две речи). *Русский исторический журнал*, 6: 181–188.

Ростовцев Е.А. (2004) А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИД.

Ростовцев Е.А. (1999) А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений). *Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ*. Вып. 1. СПб.: Дмитрий Буланин: 128–165.

Ростовцев Е.А. (2005) Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе. Малинов А.В. (ред.) *Фигуры истории или общие места историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории*. СПб.: Северная звезда: 303–341.

Ростовцев Е.А., Потехина И.П. (2013) А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве. *Клио*, 12(84): 23–28

Ростовцев Е.А., Шишов В.О. (2013) С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX — начале XXI в. *Клио*, 10(82): 138–144.

Сборник грамот Коллегии экономии. (1922) Т. 1: Грамоты Двинского уезда. Пг.: Российская государственная академическая типография.

Сборник грамот Коллегии экономии. (1929) Т. 2: Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Сборник статей (1916), посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича.

Свешников А.В. (2016) *Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Свешников А.В. (2012) Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 5: 121–158.

Сидненко Т.И. (2019) Педагогический потенциал наследия А.С. Лаппо-Данилевского в контексте модернизации образовательной среды. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 2: 108–122.

Скворцов Н.Г. (2013) Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: к 150-летию юбилею. *Клио*, 12(84): 3–5

Томсинский С.Г. (1931) Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.]. *Проблемы марксизма*, 3: 120

Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.Б. (2011) *Научная школа как структурная единица научной деятельности*. М.: ЦЭМИ РАН.

Хорхордина Т.И. (2003) *Российская наука об архивах: История. Теория, Люди*. М.: РГГУ.

Цамутали А.Н. (1996) Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов. Сахаров А.Н (ред.) *Историки России. XVIII — начало XX века*. М.: Скрипторий: 538–552.

Цвибак М.М. (1931) Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.]. *Проблемы марксизма*, 3: 122–125.

Цыганков Д.А. (2005) Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков. *История мысли. Русская мыслительная традиция*. Т. 3. М.: Вузовская книга: 66–77.

Черепнин Л.В. (1949) А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. *Вопросы истории*, 8: 30–51.

Чернобаев А.А. (2013) А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей российской историографии. *Клио*, 12(84): 40–45.

Шаханов А.Н. (2003) *Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты*. М.: Наука.

SCHOOL OF A.S. LAPPO-DANILEVSKY

Evgeniy A. Rostovtsev^{ab}(e.rostovtsev@spbu.ru),
Irina P. Potekhina^c (anscelida@inbox.ru)

^a Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

^b Sociological Institute of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg,
Russian Federation

^c Saint Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg,
Russian Federation

Citation: Rostovtsev E.A., Potekhina I.P. Shkola A.S. Lappo-Danilevskogo [School of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(5): 12–37.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.2> (in Russian).

The article considers the phenomenon of the academic school of Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky (1863–1919) in the context of the history of the St. Petersburg School of History. A hypothesis is put forward on the existence of two scientific communities different by the nature led by A.S. Lappo-Danilevsky. The first is a circle of scientists grouped around a scientific leader who shared with him the general methodological principles of scientific research. The second is a team of workers associated with a relatively narrow field (diplomats of Russian private acts), which has consistently solved problems in accordance with the research program developed by their head and teacher. As emphasized in the article, with a change in the historiographic situation and

social order for historical science in the post-revolutionary period and the death of A.S. Lappo-Danilevsky his research program could not be implemented, and the school as a scientific community essentially ceased to exist. However, the research facilities of A.S. Lappo-Danilevsky were determined by both the range of interests and the nature of the research activities of his students throughout their entire life path. The research focuses on the scientometric analysis of creative heritage as A.S. Lappo-Danilevsky, and his students (A.I. Andreev, S.N. Valk, V.I. Veretennikov and many others). In particular, the article considers the relevance of A.S. Lappo-Danilevsky and his school in modern scientific literature. The presented data clearly show the source study and historiographic nature of the most popular texts in modern science by the students of A.S. Lappo-Danilevsky, which allowed us to hypothesize the special role of his school in maintaining the professional traditions of national historiography.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, scholarly studies, scientometrics, scientific schools, St. Petersburg historical school, Russian historiography, history of science.

Acknowledgments

The research was supported by RFBR , project no 19-011-00782/19.

References

Alevras N.N. (2016) Vasilii Ivanovich Veretennikov: istorik peterburgskoi shkoly kak aktor nauki i dissertacionnoi kul'tury [Vasily Ivanovich Veretennikov: the historian of St. Petersburg school as an actor of science and dissertation culture]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: An Electronic Journal on Historical Sciences and Archeology], 2: 144–157.

Alevras N.N., Grishina N.V. (2013) Uroki uchitelia: idei A.S. Lappo-Danilevskogo v tvorcheskikh sud'bach uchenikov [The Teacher's Lessons: A.S. Lappo-Danilevsky's Ideas in his Disciples' Creativity]. *Klio*, 12(84): 46–49.

Alekseev A.I. (2007) Sankt-Peterburgskaia i moskovskaia shkoly v istoricheskoi nauke o russkom srednevekov'e [St. Petersburg and Moscow schools in the historical science on the Russian Middle Ages]. In: Svak D. (ed.) *Regional'nye shkoly russkoi istoriografii [sbornik dokladov mezhdunarodnoi konferentsii, organizovannoi Tsentrom rusistiki Budapeshitskogo gosudarstvennogo universiteta im. Loranda Etvasha, 29–30 maia 2006 g.]* [Regional schools of Russian historiography [collection of reports of an international conference organized by the Center for Russian Studies of Budapest State University named after Lorand of Etvös, May 29–30, 2006]]. Budapest: Russica Pan-nonicana: 3–44.

Ananich B.V., Paneiakh V.M. (1999) «Akademicheskoe delo» kak istoricheskii istochnik [«Academic Affair» as a Historical Source]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 2(120): 338–350.

Ananich B.V., Paneiakh V.M. (2000) O peterburgskoi istoricheskoi shkole i ee sud'be [On the St. Petersburg historical school and its fate]. *Otechestvennaia istoria* [National History], 5: 105–114.

Belenkii I.L. (1978) K probleme naimenovaniia shkol, napravlenii, techenii v otechestvennoi istoricheskoi nauke XIX–XX vv. [On the problem of the names of schools,

directions, trends in Russian historical science of the XIX — XX centuries]. In: *XXV s'ezd KPSS i zadachi izucheniia istorii istoricheskoi nauki* [XXV Congress of the CPSU and the task of studying the history of historical science]. Part II. Kalinin: KGU: 64–65.

Belenkii I.L. (2011) Rossiiskoe nauchno-istoricheskoe soobshchestvo v kontse XIX — nachale XXI vv.: publikatsii i issledovaniia 1940-kh — 2010-kh gg. [Russian scientific and historical community in the late XIX — early XXI centuries: publications and studies of the 1940s–2010s]. In: Bordiugov G. (ed.) *Nauchnoe soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen* [Scientific community of Russian historians: 20 years of change]. Moscow: AIRO-XXI: 344–478.

Bibliografia po problemam nauchnykh shkol v Rossii [Bibliography on the problems of scientific schools in Russia]. *Nauchnye shkoly Novosibirskogo nauchnogo centra* [Scientific schools of the Novosibirsk Scientific Center]. [<http://www.prometeus.nsc.ru/science/schools/biblio/general.ssi>] (accessed: 12.09.2019).

Brachev V.S. (2001) «*Nasha universitetskaia shkola russkikh istorikov*» i ee sud'ba [«Our University School of Russian Historians» and its fate]. St. Petersburg: Stomma.

Brachev V.S. (1997) *Russkii istorik S.F. Platonov: Uchenyi. Pedagog. Chelovek* [Russian historian S.F. Platonov: Scientist. Educator. Person]. St. Petersburg: Nestor.

Cherepnin L.V. (1949) A.S. Lappo-Danilevskii — burzhuznyi istorik i istochnikoved [Lappo-Danilevsky is a bourgeois historian and source specialist]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 8: 30–51.

Chernobaev A.A. (2013) A.S. Lappo-Danilevskii v noveishei rossiiskoi istoriografii [A.S. Lappo-Danilevsky in the Latest Russian Historiography]. *Klio*, 12(84): 40–45.

Dezhina I.G., Kiseleva V.V. (2008) *Tendentsii razvitiia nauchnykh shkol v sovremennoi Rossii* [Trends in the development of scientific schools in modern Russia]. Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda [<http://komarov.viperson.ru/data/200902/Scienceschools.pdf>] (accessed: 12.09.2019)

Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A. (2018) «Peterburgskaia istoricheskoi shkola» XVIII — nachala XX vv.: istoriograficheskii kontekst i metody issledovaniia [«Petersburg Historical School», XVIII — early XX centuries: historiographical context and research methods]. *Bylye gody*, 49(3): 1046–1060.

Grekov B.D. (1919) Uchenaia i uchebnaia deyatelnost' A.S. Lappo-Danilevskogo [The scientific and educational activity of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission], 56: 148–156.

Grezneva O.Yu. (2004) Nauchnye shkoly: principy klassifikatsii [Scientific schools: principles of classification]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 5: 42–48.

Guzevich D.Yu. (2003) Nauchnaia shkola kak forma deyatelnosti [Scientific school as a form of activity]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* [Issues in the History of Science and Technology], 1: 64–93.

Kashtanov S.M. (1988) *Russkaya diplomatika* [Russian diplomatics]. Moscow: Vysshaia shkola.

Khorkhordina T.I. (2003) *Rossiiskaia nauka ob arhivakh: Istoria. Teoria, Liudi* [Russian Archive Science: History. Theory, People]. Moscow: RGGU.

Kireeva R.A. (2013) A.S. Lappo-Danilevskii o russkoi istoriografii [A.S. Lappo-Danilevsky on Russian Historiography]. *Klio*, 12(84): 73–76.

Korzun V.P., Miagkov G.P. (2013) Nauchnye shkoly v rossiiskoi istoricheskoi nauke (opyt istoriograficheskogo osmyslenia poslednikh desiatiletii) [Scientific schools in Russian historical science (experience of historiographic comprehension of the last decades)]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 6: 158–201.

Lappo-Danilevskii A.S. (1910) *Metodologia istorii* [Methodology of history]. Part 1. St. Petersburg: Studench. izd. kom. pri Istoriko-filologich. f-te.

Lappo-Danilevskii A.S. (1909) *Metodologia istorii. Chast' vtoraiia. Metody istoricheskogo izucheniia. Otdel II. Metodologia istoricheskogo postroeniia. Lektsii, chitannye studentam S.-Peterburgskogo universiteta v 1908–1909 akad. godu* [Methodology of history. Part two. Methods of historical study. Division II. The methodology of historical construction. Lectures given to students of St. Petersburg University in 1908–1909 Acad. year]. [St. Petersburg]: Litografia Bogdanova.

Lappo-Danilevskii A.S. (1923) *Metodologia istorii. Vyp. 1* [Methodology of history. Iss. 1]. Petrograg: Rossiiskaia gosudarstvennaia akademicheskaia tipografia.

Lappo-Danilevskii A.S. (1913) *Metodologia istorii. Vyp. 2* [Methodology of history. Iss. 2]. St. Petersburg: Studench. izd. kom. pri Istoriko-filologich. f-te.

Lappo-Danilevskii A.S. (1920) *Ocherk russkoi diplomatiki chastnykh aktov* [Essay on Russian diplomatics of private acts]. Petrograd: 2-ya Gos. tip.

Lappo-Danilevskii A.S. (1902) Osnovnye principy sociologicheskoi doktriny Konta [Basic Principles of Comte's Sociological Doctrine]. *Problemy idealizma* [The problems of idealism]. Moscow: Izd-vo Mosk. psihologicheskogo obshchestva: 394–490.

Malinov A.V., Pogodin S.N. (2001) *Aleksandr Lappo-Danilevskii: istorik i filosof* [Alexander Lappo-Danilevsky: historian and philosopher]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

Mihalchenko S.I. (2004) Shkoly v istoricheskoi nauke [Schools in historical science]. In: Dubrovskii A.M. (ed.) *Otechestvennaia kul'tura i istoricheskaiia mysl' XVIII–XX vekov* [National culture and historical thought of the XVIII–XX centuries]. T. 3. Bryansk: Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta: 195–211.

Mokhnacheva M.P. (2005) Mezhvuzovskie nauchnye sviazi rossiiskikh istorikov vo vtoroi polovine XIX veka v kontekste istorii nauchno-pedagogicheskoi shkoly V.O. Kliuchevskogo [Interuniversity scientific relations of Russian historians in the second half of the XIXth century in the context of the history of the scientific and pedagogical school of V.O. Klyuchevsky]. In: Shmidt S.O. (ed.) *V.O. Kliuchevskii i problemy rossiiskoi provintsial'noi kul'tury i istoriografii. Materialy nauchnoi konferentsii. Penza, 25–26 iunia 2001 g.* [V.O. Klyuchevsky and the problems of Russian provincial culture and historiography. Materials of the scientific conference. Penza, June 25–26, 2001]. Vol. 1. Moscow: Nauka: 282–297.

Pogodin S.N. (2017) A.S. Lappo-Danilevskii v noveishei otechestvennoi istoriografii [A.S. Lappo-Danilevsky in the latest Russian historiography]. *Rossia v global'nom mire* [Russia in the global world], 11(34): 245–257.

Pogodin S.N. (1998) Nauchnye shkoly v istoricheskikh naukakh [Scientific schools in historical sciences]. *Klio*, 2(5): 14–26.

Pravila izdania gramot Kollegii ekonomii. (1922) [Rules for the publication of Letters of the Economy College] Petrograd: Rossiiskaia gosudarstvennaia akademicheskaia tipografia.

Presniakov A.E. (1922) *Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii* [Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky]. Petrograd: Kolos.

Presniakov A.E. (1920) *Rech' pered zashchitoy dissertatsii pod zaglaviiem «Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva»* [Speech before defending a dissertation entitled «Formation of the Great Russian State»]. Pttograd: Deviataya gos. tip.

Priimak N.I. (1998) A.S. Lappo-Danilevskii i S.N. Valk (uchitel' i uchenik) [A.S. Lappo-Danilevsky and S.N. Valk (teacher and student)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2: Istoria, iazykoznanie, literaturovedenie* [Vestnik of St. Petersburg University. Series 2: History, Linguistics, Literary Studies], 1: 8–16.

Priimak N.I. (1996) A.S. Lappo-Danilevskii v vospominaniyakh uchenikov [A.S. Lappo-Danilevsky in the memoirs of students]. In: *Peterburgskie chtenia — 96. Materialy Enciklopedicheskoi biblioteki «Sankt-Peterburg–2003»* [Petersburg readings — 96. Materials of the «St. Petersburg–2003» Encyclopedic Library]. St. Petersburg: Rus.-Balt. inform. centr BLIC: 452–455.

Priimak N.I. (2013) O pis'me S.N. Valka A.S. Lappo-Danilevskomu [1915 g.] [About the Letter of S.N. Valk to A.S. Lappo-Danilevsky [1915]. *Klio*, 10(82): 130–133.

Romanov B.A. (1920) A.S. Lappo-Danilevskii v universitete (Dve rechi) [A.S. Lappo-Danilevsky at the University (Two speeches)]. *Russkii istoricheskii zhurnal* [Russian historical journal], 6: 181–188.

Rostovtsev E.A. (2004) *A.S. Lappo-Danilevskii i peterburgskaia istoricheskaja shkola* [A.S. Lappo-Danilevsky and St. Petersburg Historical School]. Ryazan': NRIID.

Rostovtsev E.A. (1999) A.S. Lappo-Danilevskii i S.F. Platonov (k istorii lichnykh i nauchnykh vzaimootnoshenii) [A.S. Lappo-Danilevsky and S.F. Platonov (on the history of personal and scientific relationships)]. In: *Problemy social'nogo i gumanitarnogo znania. Sb. nauchnykh rabot* [Problems of social and humanitarian knowledge. Collection of essays]. Iss. I. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin: 128–165.

Rostovtsev E.A. (2005) Diskurs «peterburgskoi istoricheskoi shkoly» v nauchnoi literature [Discourse of the «St. Petersburg Historical School» in the scientific literature]. In: Malinov A.V. (ed.) *Figury istorii ili obshchie mesta istoriografii. Vtorye Sankt-Peterburgskie chtenia po teorii, metodologii i filosofii istorii* [Figures of history or general places of historiography. The second St. Petersburg readings on the theory, methodology and philosophy of history]. St. Petersburg: Severnaya zvezda: 303–341.

Rostovtsev E.A., Potekhina I.P. (2013) A.S. Lappo-Danilevskii v sovremennom nauchno-informatsionnom prostranstve [A.S. Lappo-Danilevsky within the Modern Scientific Information Environment]. *Klio*, 12(84): 23–28

Rostovtsev E.A., Shishov V.O. (2013) S.N. Valk v nauchno-informatsionnom prostranstve v kontse XX — nachale XXI v. [S.N. Valk in the scientific information space of the late XX — early XXI century]. *Klio*, 10(82): 138–144.

Sbornik gramot Kollegii ekonomii. (1922) T. 1: Gramoty Dvinskogo uезда [Collection of letters of the Economy College. (1922) T. 1: Diplomas of the Dvinsky district]. Petrograd: Rossiiskaia gosudarstvennaia akademicheskaja tipografia.

Sbornik gramot Kollegii ekonomii. (1929) T. 2: Gramoty Dvinskogo, Kol'skogo, Kevrol'sko-Mezenskogo i Vazhskogo uездov [Collection of letters of the Economy College. (1929) T. 2: Diplomas of the Dvinsky, Kola, Kevrol-Mezensky and Vazhsky districts]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Sbornik statei (1916), posviashchennykh Aleksandru Sergeevichu Lappo-Danilevskomu [Collection of articles (1916) dedicated to Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky]. Pg.: tip. M.M. Stasyulevicha.

Sidnenko T.I. (2019) Pedagogicheskii potentsial nasledia A.S. Lappo-Danilevskogo v kontekste modernizatsii obrazovatel'noi sredy [Pedagogical potential of the heritage of A.S. Lappo-Danilevsky in the context of the modernization of the educational environment]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2: 108–122.

Skvortsov N.G. (2013) Akademik Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii: k 150-letnemu iubileiu [Academician Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky: to the 150th Anniversary]. *Klio*, 12(84): 3–5

Sveshnikov A.V. (2016) *Ivan Mihailovich Grevs i peterburgskaia shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva* [Ivan Mikhailovich Grevs and the St. Petersburg school of medievalists at the beginning of the XXth century. The fate of the scientific community]. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ.

Sveshnikov A.V. (2012) Nauchnaia shkola kak konstruktisia. O priemakh formirovaniia peterburgskoi shkoly medievistov nachala XX veka [Scientific school as a construction. On the methods of forming the St. Petersburg school of medievalists of the early XXth century]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 5: 121–158.

Tomsinskii S.G. (1931) Vystuplenie [na ob'edinenom zasedanii Instituta istorii i Obshchestva istorikov-marksistov v fevrale 1931 g.] [Speech [at a joint meeting of the Institute of History and the Society of Marxist Historians in February 1931]]. *Problemy marksizma* [Problems of Marxism], 3: 120

Tsamutali A.N. (1996) Glava peterburgskoi istoricheskoi shkoly: Sergei Fedorovich Platonov [Head of the St. Petersburg School of History: Sergei Fedorovich Platonov]. In: Sakharov A.N. (ed.) *Istoriki Rossii. XVIII — nachalo XX veka* [Historians of Russia. XVIII — early XXth century]. Moscow: Skriptorii: 538–552.

Tsvibak M.M. (1931) Zakliuchitel'noe slovo [na ob'edinenom zasedanii Instituta istorii i Obshchestva istorikov-marksistov v fevrale 1931 g.] [Closing remarks [at a joint meeting of the Institute of History and the Society of Marxist Historians in February 1931]]. *Problemy marksizma* [Problems of Marxism], 3: 122–125.

Tsygankov D.A. (2005) Issledovatel'skie traditsii moskovskoi i peterburgskoi shkol istorikov [Research traditions of Moscow and St. Petersburg schools of historians]. In: *Istoria mysli. Russkaia myslitel'naia traditsia* [The history of thought. Russian thinking tradition]. T. 3. Moscow: Vuzovskaya kniga: 66–77.

Ustiuhanina E.V., Evsiukov S.G., Petrov A.G., Kazankin R.V., Dmitrieva M.B. (2011) *Nauchnaia shkola kak strukturnaia edinitsa nauchnoi deiatel'nosti* [Scientific school as a structural unit of scientific activity]. Moscow: CEMI RAN.

Shakhanov A.N. (2003) *Russkaia istoricheskaia nauka vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka: Moskovskii i Peterburgskii universitety* [Russian historical science of the second half of the XIX — early XXth centuries: Moscow and St. Petersburg universities]. Moscow: Nauka.

Valk S.N. (1948a) *Istoricheskaia nauka v Leningradskom universitete za 125 let* [Historical science at the Leningrad University for 125 years]. In: Molok A.I. (ed.) *Trudy iubileinoi nauchnoi sessii. Sektsia istoricheskikh nauk* [Proceedings of the anniversary scientific session. Section of historical sciences]. Leningrad: Tip. im. Volodarskogo: 3–79.

Valk S.N. (1922) [Rets.:] Lappo-Danilevskii A.S. Ocherk russkoi diplomatiki chastnykh aktov [[Rev.:] Lappo-Danilevsky A.S. Essay on Russian diplomatics of private acts]. *Russkii istoricheskii zhurnal* [Russian historical journal], Vol. 8: 244–258.

Valk S.N. (1948b) *Sovetskaia arkhеография* [Soviet archeography]. Moscow; Leningrad: Izd-vo i 1-ia tip. Izd-va Akademii nauk SSSR v Leningrade.

Valk S.N. (1920) Vospominanie uchenika [Recollection of a student]. *Russkii istoricheskii zhurnal* [Russian historical journal], 6: 189–199

Valk S.N. (1931) Vystuplenie [na ob»edinennom zasedanii Instituta istorii i Obshchestva istorikov-marksistov v fevrale 1931 g.] [Speech [at a joint meeting of the Institute of History and the Society of Marxist Historians in February 1931]. *Problemy marksizma* [Problems of Marxism], 3: 114–115.

Veretennikov V.I. (1920) Pamiati dorogogo uchitelia [In memory of the dear teacher]. *Russkii istoricheskii zhurnal* [Russian historical journal], 6: 200–206.